

18 Владимир Ноллетов

Смерть в ущелье Ыссык-Су

Владимир Ноллетов

Смерть в ущелье Ыссык-Су

«Издательские решения»

Ноллетов В.

Смерть в ущелье Ыссык-Су / В. Ноллетов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852766-1

Заготовительная контора отвозит в горы бригаду сборщиков эфедры — лекарственного растения. Однажды почти вся бригада загадочно исчезает.

ISBN 978-5-44-852766-1

© Ноллетов В.
© Издательские решения

Смерть в ущелье Ыссык-Су

Владимир Ноллетов

© Владимир Ноллетов, 2024

ISBN 978-5-4485-2766-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эта тетрадь была в полиэтиленовом пакете, вместе со старой посудой и дырявыми полотенцами. Пакет лежал на мусорной куче. Обычная общая тетрадь в клетку. На серой обложке, на лицевой стороне, – бурые пятна. Может, это кофе, может, какао. Может, кровь. Исписана она на две трети, убористым, но довольно разборчивым почерком. На первой странице красными чернилами, с претензией на каллиграфические красоты, выведено: Записки Каратеева.

Записки Каратеева

1

Почему я решил об этом написать? Мне кажется, если я изложу эти непонятные и страшные события на бумаге, они не станут так мучить меня. Мне ведь каждую ночь кошмары снятся. Я называю их иссыксуйскими кошмарами.

Произошло все четыре месяца назад, на юге Киргизии, в ущелье Иссык-Су. Как я там оказался? Можно сказать, случайно. Не вернулся бы я тогда за книгой, и вся жизнь моя пошла бы по-другому. Какую все-таки огромную роль играет в жизни человека случай! Не меньшую, чем воля и среда.

Я уже стоял на остановке, когда вдруг решил купить книгу, которую только что в книжном магазине подержал в руках и поставил обратно на полку. Пошел назад. И у дверей магазина услышал жизнерадостное:

– Сколько лет!

Это был Костя. Мы вместе учились в университете. Правда, на разных факультетах. Но общаться иногда приходилось. Три года, после получения диплома, не виделись.

Мы стали обмениваться новостями.

– Где, Олег, трудишься?

– Месяц назад уволился.

– Как кстати! Хочешь прилично подзаработать?

– Конечно. – Была у меня мечта. Купить себе дом. Чтобы ни от кого не зависеть, чтобы чувствовать себя хозяином. Чтобы был свой сад.

– Тогда, Олег, приходи завтра к девяти в контору «Лекраспром». – Он навал адрес. – С паспортом. Я сейчас бригаду формирую. Поедем в Ошскую область. Будем резать лекарственную траву чикинду. Она же эфедра. На чистом воздухе, на лоне природы. Один минус. Стаж не идет: работа сезонная, по договору. Ну, мне бежать надо. До завтра! – У Кости вечно были дела, вечно он куда-то спешил.

Контору я на следующий день нашел не сразу. Костя уже ждал меня. Она представляла собой длинное одноэтажное здание дореволюционной постройки. На огромном дворе размещались гаражи, склады, навесы, Заехала машина, нагруженная мешками не то с травой, не то с хвоей. Такие же мешки лежали под навесами. Въехала на крытые весы.

– Вот эта самая чикинда и есть, – пояснил Костя. – И это – она. – Он показал на длинные параллельные скирды в глубине двора. – Кто-то сырую привез, теперь сушит.

Из маленького домика с надписью «Лаборатория» вышел пожилой бородач. Подошел к нам.

– Припозднился ты что-то, Костик, с выездом.

– Дела задержали.

– Знаем мы твои дела. Небось возил му...

– Ну как, дядя Миша? Всю приняли? – поспешно перебил его Костя.

– Какое всю! – махнул тот рукой. – Посчитали, что в половине мешков трава сырая! Ну, это ладно, это я подсушу. Так они двадцать мешков вообще забраковали! Алкалоидов не хватает, мол. – Бородатый вдруг хмыкнул. – А ты парень не промах! Обычно на чикинду мужики едут. А ты в свою бригаду сразу двух таких девок заманил!

– Один раз, – усмехнулся Костя, – я двенадцати – ровно двенадцати – бабам свидание назначил. В одно время, в одном месте. Пришли все! Я из-за угла наблюдал. Сначала были в растерянности и недоумении, потом все поняли, рассмеялись и разошлись.

Вполне возможно. Костя девушкам нравится. Красноречивый, веселый. Невысокий, чуть сутулый, но красивый. Волосы темные, а глаза синие. Это сочетание, наверно, их больше всего покоряет.

Меня вписали в договор. Выезд был назначен на 8 августа.

2

В этот день я впервые увидел нашу бригаду. Санек был, очевидно, наш с Костей ровесник. Крупный, крепкий. Взгляд бесцеремонный, даже нагловатый. Антону, наверно, не было и двадцати. Движения какие-то скованные. Лицо угрюмое. Маленькие, глубоко посаженные глаза смотрели напряженно и насторожено. Впрочем, прямо в глаза он глядеть избегал. Был он низенький, жилистый. Выступающие надбровные дуги, очень широкий рот, короткая толстая шея и несоразмерно длинные руки придавали его внешности что-то обезьянье. Алиса и Катя, совсем еще юные девушки, казались растерянными. Может, уже жалели о своем решении. Когда я впервые вижу женщину, какой-то внутренний судья, помимо моей воли, сразу определяет, смогу я ее полюбить или нет. Определяет, даже если мне это совершенно неинтересно и не нужно. На этот раз приговор был такой: Алису я не смогу полюбить, а Катю – смогу. Может даже – не смогу не полюбить.

Подъехала наша машина. В кузове лежали пустые мешки для других бригад, накрытые брезентом. Контора выдала нам две палатки и мешки. Об остальном, даже об орудиях труда – серпах, нам пришлось позаботиться самим. Мы забросили в кузов свои вещи. Девушки сели в кабину, мы залезли в кузов. Остановились у первого продмага. Решили, что кухня у нас будет общая. Сбросились, накупили продуктов. Приобрели огромную кастрюлю, чайник ей под стать, сковородку.

Так я еще не путешествовал. Лежал на мешках, смотрел на голубое небо. Слева и справа проплывали многоэтажные дома. Люди с балконов глядели на нас. Выехали из Фрунзе, и вместо домов мимо замелькали пирамидальные тополя. Приятно обдувал прохладный ветерок. Белые кучевые облака висели над нами. Казалось, они мчатся с той же скоростью, что и машина.

Санек тоже разлегся на мешках. Антон сидел возле кабинки и, подставляя лицо встречному ветру, с мрачной сосредоточенностью смотрел вперед.

– Чикинду «Лекраспром» отправляет в Казахстан, в Чимкент, – говорил Костя. Он полулежал, удобно устроившись между вещами. – Там фабрика есть. На ней из чикинды эфедрин готовят. Это лекарство от ревматизма, простуды. Оттуда оно по всему Союзу расходуется. «Лекраспром» и сам чикинду в аптеки поставляет, в натуральном виде. В картонные пакеты расфасованную. Видели, небось? Раньше «Лекраспром» и опий собирал. Свои плантации опийного мака на Иссык-Куле были. Потом это запретили. Слишком много разворовывали. На какие только ухищрения не шли. Такой случай был. В Рыбачьем женщина с грудным ребен-

ком попросила шофера довезти ее до Фрунзе. Он согласился, пустил в кабину. Едут они, едут. Уже Боомское ущелье проехали. И заподозрил шофер неладное. Что-то слишком уж спокойный ребенок. Ни звука до сих пор не издал, не пошевелился ни разу! В Быстровке сообщил милиции. Женщину задержали. Младенец оказался мертвым! Живот зашит нитками... Вскрыли. Смотрят: внутренности вынуты, вместо них – пакеты с опиумом.

Облака стали постепенно отставать. Говорил, в основном, словоохотливый Костя. Ветер, шум мотора, тряска не располагали к разговорам. Наконец, и он замолчал. Машина свернула на юг, на трассу Фрунзе – Ош. Санек уснул. Въехали в Сосновское ущелье. Теперь нас окружали горы. Костя оживился.

– Весной я здесь чикинду резал! Вон на том месте, за речкой, наша палатка стояла. Чикинда здесь, надо сказать, не очень. Вот черной смородины: ешь – не хочу. Вот это все смородина! А мы ее даже не попробовали: зеленая она еще была. Мы только до цветения здесь работали.

– До цветения?

– Ну да. В мае чикинда цвести начинает. То есть новые побеги дает. Говорят: цветет. В это время ее резать нельзя. Полмесяца где-то... Вот она, родимая. Смотри, Антон! – Антон, продолжавший глядеть вперед, обернулся. Костя показал на зеленый куст в половину человеческого роста. Он одиноко рос на склоне, рядом с дорогой, на одном уроне с нами. Ветки его скользнули по борту машины. – Вот такую чикинду мы и будем резать. Зеленую часть. – «Зеленая часть» представляла из себя нечто среднее между хвойными иглами и хвощом. – Растение древнее, реликтовое. Из тех времен, когда на земле в основном хвощи и папоротники росли.

– Давно, Костя, эфедру собираешь? – спросил я.

– Второй год. После университета по специальности работал, товароведом. Потом экспедитором в одной конторе. Но там недолго. Директору на хвост упали, нарушения нашли. Я тут же уволился, от греха подальше. И случайно про «Лекраспром» узнал.

Дорога стала серпантинном подниматься на перевал Тюз-Ашуу. Мы любовались живописными видами. Миновали перевал. К вечеру спустились к Токтогульскому водохранилищу. Переночевать остановились у водомера Петро. Он с семьей жил в домике на берегу.

Дорога всех утомила. Во время ужина почти не разговаривали. Мне все время хотелось смотреть на Катю. Красота ее оригинальная, яркая, запоминающаяся. Рот очень большой, но красивый, особенно нижняя губа. Нос крупный, но изящной формы. Темно-карие глаза небольшие, несколько глубоко посаженные, но живые, выразительные, полные чувств. Мне в женщинах не нравятся крупные носы и глубоко посаженные глаза, но в ее лице все было так гармонично, что они нисколько не портили впечатление, только придавали милое своеобразие. Самым красивым в ее лице были как раз глаза. И столько женственности было во всем ее облике! Женщина прежде всего должна быть женственной. В этой фразе тавтология уместна.

А вот Алиса была, как говорится, не в моем вкусе. Во-первых, блондинка. Во-вторых, глаза не очень выразительные. Холодноватые, бледно-голубые, с маленькими зрачками. А ведь во внешности женщины глаза – главное! Впрочем, были у нее и достоинства: высокая, худая, черты лица правильные, приятные.

Быстро поели и пошли спать. Девушкам хозяйка постелила в доме, шофер залез в кабину, мы улеглись в кузове. Напарники мои сразу заснули. Я долго лежал на спине, глядел на звезды. В горах они как будто ближе. Думал о Кате.

Встали рано. Завтракали вместе с хозяевами. Девушки были оживлены, веселы. Новые впечатления всегда сильно влияют на женщин.

Двинулись в путь. Спустились в Ферганскую долину, в узбекский Наманган. В этом городе у «Лекраспрома» что-то вроде базы. Выгрузили здесь мешки. Себе оставили лишь полсотни. Поехали на северо-запад. Без мешков ехать в кузове не так комфортно. Запомнилось село Касансай. Во-первых, невероятной толщины платаном или, по-местному, чинарой. Во-

вторых, женщинами в парандже. Вернулись в Киргизию. Проехали мимо Терек-Сая – поселка геологов, поехали вдоль шумной речки. Судя по солнцу – на запад. Свернули в узкое ущелье, стали подниматься по едва заметной дороге. Водитель сбавил скорость. Переехали пенящийся ручей. Наконец, машина остановилась. Шофер вышел из кабины.

– Могу и дальше проехать, до пруда, но для палаток тут самок место. Лучше не найдете. Смотрите, какое ровное.... Лет пять назад бригада здесь траву резала – так они на этом месте палатку ставили.

– Траву? – переспросила Катя.

– Ну. Чикинду.

– Выгружаемся! – скомандовал Костя.

Стали выгружать вещи. Шофер стоял у кабины, курил и смотрел на нас. Когда работа была закончена, он заглянул в кузов, пожелал счастливого новоселья и тут же поехал назад.

– Это и есть урочище Ыссык-Су! – почти торжественно объявил Костя.

Мы осмотрелись. Над нами было удивительно чистое синее небо в обрамлении горных вершин. Шум реки сюда не доносился, лишь журчал ручей да стрекотали кузнечики. На склонах одиноко стояли, иногда причудливо изогнувшись, арчовые деревья. На дне ущелья росли кусты барбариса, шиповника, несколько диких яблонь. Вдоль ручья ярко зеленела трава.

– Про какой он пруд говорил? – сказал Санек. – Я даже лужи не вижу.

– Найдем! Обследуем урочище от и до. За три-то месяца, – жизнерадостно говорил Костя.– Ух ты! Чикинды-то!.. – вырвалось у него. Костя показал на кусты эфедры, росшие повсюду на северо-восточном – каменистом, с живописными скалами и широкими осыпями – склоне. На юго-западном склоне осыпей почти не было. Его покрывала трава. – Режь – не хочу. Не зря я в конторе настаивал, чтобы на юг отвезли! На севере таких участков нет. И хорошо, что чикинда на восточном склоне. Значит, утром в тенечке будем резать. Классный участок!

– Какая бабочка! – воскликнула Катя, широко открыв глаза. Недалеко порхала огромная белая бабочка с красными и черными пятнами.

– Это аполлон, – сказал я.

Алиса зачерпнула рукой воду из ручья, выпила.

– Вкусная! Холодная только очень.

– А урочище-то, – Косте, видимо, нравилось это слово, – называется в переводе: горячая вода. – Он хохотнул. Настроение у всех было приподнятое.

Стоянка была рядом с ручьем, возле двух яблонь. Для нас поставили палатку большую, в виде шатра. Для девушек – маленькую, двухместную.

– Эту у завхоза еле выпросил, – заметил Костя, кивнув на нее. – Бригаде одна палатка полагается.

– Спасибо! – улыбнулась Катя. Улыбалась она часто – улыбкой чуть кривой, какой-то плотоядной, но обворожительной.

Стали разбирать вещи. Когда Санек вынимал свои пожитки из рюкзака, один длинный сверток развернулся, и на землю упала палка с насаженным металлическим заостренным концом.

– Зачем это? – спросила Катя. Костя бросил на Санька острый взгляд.

Тот на миг смутился, но тут же принял свой обычный самоуверенный вид.

– Оружие. От всякой нечисти: от змей, скорпионов, фаланг.

– Проще камнем, – заметил Антон. Голос у него был высокий, совсем не подходивший к грубым чертам.– Типа самое верное.

Костя разделил между всеми мешки.

– Это для работы. Для затаривания мешки потом привезут, когда мы кончим резать. Я тогда телеграмму в контору pošлю.

Сложили из камней очаг и стол. Столешницей послужил большой плоский камень. Принесли камни поменьше – сидеть. Собрали хворост. Все делали дружно, с шутками. Лишь Антон большей частью молчал. Он вообще держался тихо, скромно. Алиса и Катя приготовили ужин.

Ужинали и поглядывали на горы.

– Бывает, кусты чикинды отдельно растут, лазить надо от куста к кусту. А здесь – сплошными массивами! – радовался Костя. – Первый раз такой участок вижу, без минусов. На одном участке, тоже на юге, чикинда классная была, но там без вьюка никак. Мы у чабанов вьючных животных нанимали. Разных. Лучше всего ишак: везет себе безропотно... На лошадь можно больше мешков нагрузить, но с ней проблемы. Слишком впечатлительна. Идет с вьюком по тропе. Вдруг птица перед ней взлетит или камень причудливой формы увидит – встанет на дыбы, и мешки на землю сваливаются... Больше всего верблюдов перевозил...

– Вы и верблюда нанимали? – удивилась Катя.

– Да. Но его сам хозяин водил, он только хозяина слушался. Велит ему лечь – а иначе на верблюда не навьючишь, не дотянешься, – тот долго ложится, поэтапно складывается, так сказать... Ненавидел я этого верблюда. С таким высокомерием он на меня смотрел, с таким презрением! А один раз плюнул, в буквальном смысле слова. – Все засмеялись. – И на себе приходилось таскать. Навьючу на себя три мешка, два связанных между собой, через плечо и один в руках, – и вперед... А на другом участке мешки пришлось через речку переправлять. Протянули с одного берега на другой проволоку, по проволоке колесико едет, с крюком, на крюке мешок висит... Так что нам идеальный, можно сказать, участок достался. Теперь все от нас зависит. Если сачковать не будем – хорошие бабки гарантированы.

– Это точно. Я весной за два месяца больше бабок получил, чем шофером за полгода зарабатывал, – вставил Санек.

– Я на хату коплю, – продолжал Костя. – Самое главное – своя хата! Сам виноват, что угла не имею. После смерти бати нам дом остался, в Бостырях...

– Это на Иссык-Куле что ли?

– Ну. Село на северном берегу. Курортным местом считается... Нас три брата. Два старших в Бостырях жили, с батей, а я во Фрунзе уехал учиться. Ну и начались разговоры. Мол, они за домом ухаживали, а я на готовое приехал. Плюнул я и отказался от своей доли.

– Хорошо тебя понимаю, – сказал я.

– Старшие всегда дают, короче, – вздохнул вдруг Антон.

– А ты, Антон, вроде тоже из-за хаты поехал? – спросил Костя.

– Типа того. У нас в Токмаке как бы свой дом. Живем впятером: батя с маманей и это... нас три братана, – неожиданно быстро и нервно заговорил тот. Он смотрел в землю перед собой. – Я как бы младший. Дом большой. Но я отдельно хочу. Предки строгие слишком. Типа того что это нельзя, то нельзя. Если что не по ихнему – прибить могут. И братаны типа туда же, тоже воспитывают. Отделиться хочу, короче.

– Чем занимаешься?

– Каменотес. В похоронном бюро типа памятники тешу.

– А у меня квартира есть, – самодовольным тоном произнес Санек. – Тачки только не хватает. Так что я здесь из-за тачки...

– Смотрите, как человек! – Катя указала на красноватую скалу в конце ущелья. Она словно нависала над ним.

– В самом деле! – воскликнул я. – Похоже на профиль злого старика. А та пещера – в виде ромба, в центре скалы, видите? – как прищуренный глаз. – Знал бы я тогда, какие события будут связаны с этой пещерой! – Наше ущелье напоминает мне китайские горные пейзажи. А пейзажи у китайцев замечательные. Глаз невозможно оторвать, – взволнованно продолжал я. Всегда волнуюсь, когда говорю о том, что люблю. И всегда ругаю себя за восторженность. Вернее, не за восторженность – способность восторгаться я в себе ценю, – а за неспо-

способность ее скрывать. – В умении писать пейзажи с китайцами и японцами никто в мире не сравнится. С какой изысканностью они написаны, с каким безупречным вкусом! – Катя смотрела на меня, не отрываясь, глубоким, загадочным взглядом. Я заметил презрительную улыбку Санька и замолк. Мне стало неловко за эту тираду. Никогда не стараюсь показывать свои знания, тем более с целью произвести впечатление. Я даже не понимаю, как можно уважать за знания. Человека можно уважать за многое, но только не за знания.

– Ну а вы, девчонки, как решились поехать? – спросил Санек. – Надеюсь, наш бригадир предупредил, что работа эта каторжная, крестьянская.

– Ну, ты скажешь тоже – каторжная! – с неудовольствием буркнул Костя.

– А я в деревне родилась, крестьянскую работу не боюсь! – засмеялась Катя.

– А сейчас где живешь? – расспрашивал Санек.

– Мы с Алисой из Таласа. Во Фрунзе в июле приехали. Поступать в пединститут. Не прошли, баллов не хватило, – весело рассказывала Катя.

– Я после школы тоже поступал. Провалился. Больше не пытался. Так вы в этом году школу закончили?

– Нет, в прошлом... Домой решили не возвращаться. По сравнению с Фрунзе Талас – деревня.

– И русских там совсем мало, – добавила Алиса. – А во Фрунзе их большинство.

– Сейчас денег заработаем, снимем комнату, – продолжала Катя. – Будем готовиться.

Через год снова попробуем поступить.

– А сейчас где базируетесь? – спросил Костя.

– У моей тети, – сказала Алиса. – Только она уже намекать стала, что мы ей в тягость.

Санек закурил. Протянул пачку Кате.

– Будешь?

– Нет.

– Я вчера же видел, что ты куришь.

Костя, Антон и я с удивлением взглянули на Катю. Мы думали, что в бригаде курит лишь Санек. Она покраснела. Сказала тихо:

– Сейчас не хочу.

В небе уже сияли удивительно яркие звезды. Где-то ухал филин.

Костя вдруг произнес:

Открылась бездна звезд полна;

Звездам числа нет, бездне дна.

– Пушкин? – спросила Катя.

– Вроде он.

– Ломоносов, – поправил я. – Да, лучше о бесконечности вселенной не скажешь! Стихотворение называется: «Вечернее размышление о божием величестве при случае великого северного сияния».

И снова Катя одарила меня загадочным взглядом.

По профессии я преподаватель русского языка и литературы. Но по специальности уже больше года не работал. Нервная слишком работа. Трудился где придется. Несколько раз уволился. Из-за начальников. Один заставлял лгать, два оказались хамами...

– Подъем в семь, – сообщил Костя. – Хорошо работается до солнца... Да, надо на завтра выбрать дежурного. Обязанности дежурного: встать на полчаса раньше, разогреть завтрак, разбудить остальных: вечером приготовить ужин... Ладно, на завтра дежурным я себя назначаю. Своя рука владыка. Потом будем чередоваться.

– А обед? – спросила Катя.

– Обедать будем на горе, по-спартански. С собой будем съестные припасы брать. Завтра, впрочем, здесь пообедаем, завтра у нас неполный рабочий день.

Приготовление ужинов Алиса и Катя великодушно хотели взять на себя. Мы проявили мужское благородство, не согласились: уставать-то все будут одинаково.

Мы затушили пламя. Девушки пожелали нам спокойной ночи и забрались в свою палатку. Я долго не мог уснуть. Все вспоминал те два Катиных взгляда.

3

Проснулся я от приятного воркованья. Костя хлопотал возле очага. Вершины гор были уже оранжево-розовыми. Он показал на двух птиц, похожих на голубей, но мельче и изящнее. Они сидели на яблоне.

– Горлинки. Здесь и дикие голуби есть. Видел одного.

Антон тоже встал. Остальных пришлось будить. После завтрака Костя достал из кармана сложенный вчетверо договор и бережно развернул.

– Некоторые моменты хочу напомнить... «Трудовое соглашение №44... Бригада сборщиков в лице поименованных ниже обязуется проработать в Киргизской конторе «Лекраспром» на сборе эфедры горной хвощевой с 8 августа по 15 ноября 1981 года в качестве сезонных сборщиков...» Так... «Участок Ыссык-Су»... Так, дальше... «Обязуется... Соблюдать трудовую дисциплину, выполнять и перевыполнять... Бережно относиться к имуществу конторы... Срезанную эфедру бригада сдает... « Так, так... «Всего 18 тонн...»

– Не накосим мы столько, – прервал Санек.

– Почему же? По три тонны на брата. За три-то с лишним месяца? Ну, а если не выполним план, никто же нас не расстреляет. Оплата сдельная, только меньше бабок получим.

– Чур, каждый за себя. Сколько накосил, столько получил.

– Так всегда и делают... Про оплату. «Заготовитель обязуется оплатить по цене 300 руб. за каждую тонну эфедры горной, упакованной в...» Так, это понятно... А, вот: «В случае обнаружения на приемных пунктах в сдаваемой затаренной эфедре примесей: камней, древесины или других видов растений виновные сборщики несут материальную и... – он поднял палец, – ...уголовную ответственность». Когда будем чикинду сдавать, каждый десятый мешок вспорют, проверят. На наличие посторонних предметов. Был же случай: один умник для веса камни в середину мешков положил.

– И что? Его судили? – спросила Катя.

– Да нет. Замдиректора, Иван Фокеевич, покричал только. Зам – мужик неплохой. Ну и на работу больше не брали, конечно.

– Дай-ка взглянуть, – сказал Санек.

– У тебя же есть копия договора. Всем же дали.

– Ты думаешь, я его читал? – Санек пробежал глазами договор. Хмыкнул. – Мартышихин Антон. Подходит. В школе Мартышкой звали? Так? – Антон нехотя кивнул. – Каратеев Олег. – Санек перевел глаза на меня. – Татарин, что ли?

– Русский, – ответил я сухо. Бесцеремонность всегда меня коробит.

– Это дворянская фамилия. Сосед Тургенева по поместью был Каратеев, – вступила в разговор Алиса.

– Верно, Алиса, – с удивлением подтвердил я. – Как ты это узнала?

– У нас дома книга есть о жизни Тургенева. Это мой любимый писатель.

Катя взглянула на меня с живым любопытством.

– Так значит, ты дворянин, Олег?

– Только на четверть. Дед со стороны отца был дворянином.

– А это чувствуется, – серьезно сказала вдруг Катя.

– Вот еще что, – произнес Костя, засовывая договор обратно в карман. – Документы, деньги в палатке не оставляйте. Носите с собой.

Он выдал всем по напильнику, дешевому перочинному ножу, цыганской игле, брезентовой рукавице, бинту и отрезку бельевой веревки. Заставил каждого отмотать себе клубок от мотка шпагата.

– На горе объясню.

– Это завскладом так раздобрился? – спросил Санек.

– Он только веревку и шпагат дал.

– Выходит, мы тебе должны. Сколько?

– Потом сочтемся, – отмахнулся Костя.

– Какой у нас заботливый бригадир, – с улыбкой сказала Катя.

– Молодчик! Реально, – поддержал ее Санек. – Весной у нас не такой бригадир был. Тому все по фиг было.

– Ну я же сказал, что инвентарем обеспечу.

Полезли на гору, к кустам эфедры. Они росли зеленым островком прямо на осыпи.

– А вот это эфедра полевая. – Костя показал на несколько низких кустиков. – Не путать с горной. Полевую не принимают, в ней алкалоидов мало. Она толще. На ощупь жестче. Сизоватая, видите?

Алиса все время отставала. Приходилось ее поджидать. Когда добрались до эфедры, солнце уже освещало вершины.

– А чикинда классная. Видно, что ее давно не резали. Видите, какая длинная. Точно пять лет, как водила сказал. Резать положено раз в три года как минимум. Чтобы отросла чикинда. Хотя на севере, бывает, и чаще режут... Теперь нам надо место для стоянки выбрать. Чтобы непокатое было... Вот тут самый раз будет. – Мы остановились на небольшой, почти ровной площадке между кустов эфедры. Сняли рюкзаки. – Доставайте серпы, мешки, веревки... Труд чисто крестьянский, как Санек справедливо заметил. Мы гордиться должны: наше оружие труда, – он помахал серпом, – на гербе СССР. В наше время лишь у чикиндистов серп – главный рабочий инструмент. – Он взял Катин мешок. – Показываю в последний раз. – Подобрал камешек, вложил в верхнюю часть мешка, закрепил веревкой. Поднял еще один. Оценивающе посмотрел на Катину талию, вложил второй камушек в подходящем расстоянии от первого, подошел вплотную к девушке, обернул веревку вокруг Катинной поясицы и привязал мешок к Кате. На мой взгляд, подошел ближе, чем надо, и трогал ее больше, чем надо. Она смущенно улыбалась. – Это у нас будет сумка. Как только ее наполните, перекладывайте в другой мешок. Но не просто перекладывайте, а трамбуйте. Рукавицы у вас есть. – Все привязали себе «сумки». Костя подошел к ближайшему кусту. – Показываю в последний раз. Срезаем только зеленую часть. – Костя захватил левой рукой пучок эфедры, ловко срезал его серпом и опустил в мешок. – Эти палки, – он показал на одеревеневшие стебли, – тоже приходится срезать. Иначе никак. Но старайтесь, чтоб их было поменьше. Если слишком много будет – контора не примет. Ну и будьте осторожны. Серп под самой левой рукой проходит. Старайтесь не резаться... Приступаем!

Работа началась. Костя жал эфедру на удивление быстро. Санек от него почти не отставал. Мы, новички, вначале работали крайне медленно, боялись порезать пальцы левой руки. Но постепенно темп убыстрялся.

– Вижу, работа кипит! – подбадривал нас бригадир.

На противоположном склоне черта между освещенной частью и теневой медленно сползала вниз. Через час Костя объявил перекур.

– Неплохо для начала. Видите, на серпах накопился сок чикинды. Засох, мешает работе. – Костя достал перочинный нож. – Соскабливаем его ножиком. Сок настоятельно советую сохранять. Если его к порезу приложить – быстро заживает... Серп нужно время от времени под-

тачивать напильником... Когда мешок набили, зашиваете шпагатом. Иглы у вас есть. – Он покосился на мешок Алисы. Пощупал его. – Что-то слабо ты набиваешь, Алиса. Такой мешок просто не скатится. Вот так надо. – Костя утрамбовал эфедру в ее мешке.

Наконец показалось солнце. Сразу стало жарко. И сразу работать стало тяжелее.

Наконец, Костя объявил:

– Отбой. В первый день надо половину нормы делать только. Втягиваться надо. – Он и Санек нажали по три мешка, Антон два с половиной, я и Катя – по два, Алиса – один.

– А ты молодчик, Мартышка, – похвалил Санек. – От таких профессионалов, как мы с бригадиром, почти не отстал.

– Мартышихин, короче, моя фамилия, – с мрачным видом поправил Антон.

– Теперь начинаем самое трудное в нашем деле – спуск, – продолжал Костя. – Хотя сегодня-то проблем не будет: мы совсем невысоко резали. Скатываем так: вы внизу, мешки вверху, вы спускаетесь, мешки за вами катятся. Поправляете их, направляете. Главное, чтобы мешок не вырвался и сам вниз не покатился. Он наберет скорость, пойдет на попу, шпагат о камни порвется, чикинда высыплется. Придется полсыпца облазить, собирая ее между камней. И все равно половину соберете, не больше. Вот муторное дело!

– А как это – на попу? – спросила Катя.

– Прыгать мешок начнет, на несколько метров – если хорошо набит – вверх подскакивать.

– Мне так-то спускаться страшно, а тут еще мешок спускать, – упавшим голосом сказала Алиса.

– Сделаем так, – решил Костя. – Мужики спускают мешки девчонок вместе со своими. Разбирайте! – Он присоединил к своим один из Катиных мешков.

Довольно быстро мы скатили мешки по осыпи вниз. Подождали, пока спустятся девушки.

– Здесь спускать – одно удовольствие, – жизнерадостно заговорил Костя. А вот, например, в Сосновском ущелье – мы через него проезжали – есть нехороший склон. Мало того, что очень крутой, так еще и отвесно в речку обрывается. Мы мешки до обрыва скатывали, разворачивали, чтобы на месте лежали, и по одному переносили в пологое место. Если при скатывании мешок не удержишь – покатится, в речку свалится и уплывет. Несколько мешков мы так потеряли. Один раз я и сам чуть не свалился. Оступился, упал, покатился вниз не хуже мешка. – Девушки ахнули. – Слава богу, в последний момент смог за чикинду ухватиться, родную... Итак, теперь выкладываем, – продолжил он объяснения. Он разрезал шпагат, стал вынимать из мешка эфедру и класть на осыпь. – Обязательно на камни. На земле чикинда может загнить. Вот так. В такой вот скирдочке – или кучке, как чикиндисты говорят – чикинда будет сохнуть. Бока – покатые. Чтоб дождь по ним стекал, а вовнутрь не попадал. Сверху полезно два-три камня положить, небольших. От ветра.

Домой возвращались оживленные, в хорошем настроении. Лишь Алиса приуныла.

За обедом Костя заговорил о столице Киргизии, хвалил ее.

– Самый зеленый город в Союзе!.. И жить во Фрунзе легче. В российских городах в магазинах полки почти пустые.

– Зато СССР полмира кормит, – усмехнулся Санек. – Говорят, на Дальнем Востоке грузики отказались грузить продукты на корабль. Они же каждый день тоннами мясные консервы, сгущенку грузят. И все уплывает то ли во Вьетнам, то ли еще куда.

– Не будем помогать, наши союзники к американцам перевернутся, – возразил Костя.

– Да ради бога! Без них проживем... А сколько бабок на Афганистан этот уходит! Ну это ладно. Сколько там пацанов наших гибнет!

– Не ввели бы мы туда войска – Америка бы ввела.

– Тебе бы, бригадир, партагитатором работать. Если бы и ввела? Ну и что? На нас же американцы не напали бы, они же не дураки.

– По поводу Афганистана согласен с Саньком полностью, – вступил я в разговор. – Что касается помощи... Разве это плохо – помогать тем, кто нуждается больше нас?

Санек фыркнул.

– Помогать, конечно, хорошо, – мягко заметила Катя. – Но нельзя же, Олег, от себя последнее отрывать.

Санек мотнул головой.

– Неправильно ты выразилась, Катюха.– От себя-то они не отрывают Они там наверху, с Леней во главе, не бедствуют. От народа они отрывают!

– Вот с этим я не спорю, – сказал Костя.

– Они типа первые в ад попадут! – убежденно произнес Антон.

Все, кроме меня и Алисы, стали увлеченно развивать тему, как жируют представители власти за счет простого народа. Любой политический разговор, всегда и везде, сводится к этому. И никто никогда не возмутится отсутствием свободы слова, свободы творчества. Почему? Лишь в нашей семье об этом говорили.

Не так я чувствую, как большинство, не так думаю. А вот герои Толстого или Тургенева мне близки. Так понятно каждое их душевное движение. Опоздал я родиться. На один век опоздал.

Когда солнце зашло за горы, решили пойти «на разведку», как выразился Костя. Алиса осталась. Сказала, что устала.

Двинулись вверх по ущелью.

– Совсем Алиса наша расклеилась, – озабоченно произнес Костя.

– Ей просто привыкнуть надо, – сказала Катя. – Она же в тепличных условиях росла. Родители – педагоги. От всех проблем ограждали... Но держали в строгости. Не дай бог до восьми домой не придет! Даже не разрешали дружить с мальчиками. Поэтому Лиса и не хочет домой возвращаться.

– Так у ней что, и парня не было? – поинтересовался Санек.

– Не было.

– Это правильно, – одобрительно покивал головой Антон. – Типа в Судный день ей зачтется.

– Я замечаю, Мартышка: ты никак глаз на нее положил. Так?

– У меня как бы имя есть, – тихо сказал Антон.

– Так ты верующий? – спросил Костя.

– Типа того.

Несколько минут шли молча, поглядывая на склоны.

– Чикинды здесь завались, – сказал Костя. – И в этом отщелке, и в том...

Неожиданно из травы прямо нам в ноги бросилась красивая птица. Серая с розовым отливом. На боках белые и черные полосы. Черная полоса опоясывала голову и шею. Одно крыло она волочила по земле.

– Кеклик! – воскликнул Костя. – Раненый. Добыча сама в руки бежит.

Он, Санек и Антон стали ее ловить. Птица ловко увертывалась. Но не взлетала и далеко не отбегала. И вдруг вспорхнула, пролетела как ни в чем не бывало метра два и быстро побежала вверх по склону.

– Да она нам голову морочила! – догадался Санек.

– А вон птенцы. – Костя показал в другую сторону. По склону проворно взбирались серые комочки. Они исчезли среди камней.

– Сейчас я их передавлю. На суп, – пообещал Санек и шагнул к склону.

Но Катя загородила ему дорогу. Даже руки расставила. Попросила:

– Саня, не надо! Они же маленькие, в них есть-то нечего.

– Жалостливая какая.

– Да они уже спрятались, – заметил Костя. – Не найдешь.

– Ладно. Уговорили.

– Я об этом читал, – сказал я. – При опасности самка кеклика притворяется раненой. Отвлекает, уводит подальше от своих птенцов.

Мы продолжили путь. И наткнулись на маленький пруд. От ручья отделился ручеек поменьше. Он упирался в огромный белый с голубыми прожилками камень. Камень этот торчал из земли метра на полтора. Он же служил пруду дном.

– А шеф-то не трепался про водоем, – сказал Санек. Он осмотрелся. – Да, точно, дальше машина не проедет.

Катя сунула в воду палец и радостно воскликнула:

– Теплая! Да здесь купаться можно.

– Солнце камень нагревает, а тот – воду, – заметил Костя. – Из-за этого пруда так киргизы ущелье и назвали, не иначе.

С северо-восточного склона в ущелье спускались три маленьких ущельица – отщелка, как их называл Костя. Два мы уже прошли. Третий был в самом конца ущелья. Когда мы дошли до него, Катя воскликнула:

– Смотрите: палатка!

Действительно, в начале последнего отщелка стояла маленькая парусиновая палатка. Унылое зрелище она из себя представляла. Рваная, осевшая, вылинявшая. Стойки накренились в разные стороны. Мы подошли. Палатка была такая ветхая, что казалось: задень ее, и парусина расползется. Перед входом валялся полусгнивший спальный мешок. Внутри было пусто. Она явно стояла здесь не один год. Возле полуразрушенного очага валялись три алюминиевых кастрюли разного размера и чайник.

– Палатка одноместная, а кастрюлей три, – сказал я.

Мы потоптались возле палатки, выдвигая и обсуждая разные версии.

Отвесная скала с головой прищурившегося старика нависала над нами. Хоть теперь мы видели его с другого ракурса, так сказать, анфас, это был тот же старик. Одноглазый старик. Скала была из красноватого гранита. Дно отщелка круто поднималось вверх, огибая скалу справа. В этом отщелке кусты эфедры были особенно пышными. Костя подошел к одному, схватил длинный и густой пучок, словно хотел сжать его серпом.

– А тут чикинда вообще нерезаная! – воскликнул он, без прежнего, впрочем, энтузиазма. – Ясное дело: кто захочет на своем горбу мешки с чикиндой к дороге таскать!

Пошли назад. На обратном пути почти не разговаривали. Палатка произвела на всех удручающее впечатление.

Вернулись мы уже в сумерках.

– Наконец-то! – обрадовалась Алиса. – Мне уже не по себе стало...

Только легли спать, как услышали пронзительный визг Алисы. Мешая друг другу, выскочили из палатки. Полураздетые девушки стояли недалеко от своей палатки и с испугом смотрели на нее. Луна светила ярко. Я отметил про себя, какая у Кати красивая фигура.

– Паук заполз, – пролепетала Алиса. – Громадный, жуткий. – Вдруг она снова завизжала.

Из палатки выбежал устрашающих размеров паук, рыжий, мохнатый, с мощными челюстями. Передвигался он с пугающей стремительностью. Антон с непривычной для него проворностью поднял камень, подбежал и ловким ударом раздавил его. Выпрямился и посмотрел на Алису.

– Это фаланга, – определил Костя. – Выглядит страшно, но не ядовитая.

– Не совсем так, – сказал я. – Да, ядовитых желез он не имеет, но может на челюстях переносить трупный яд. Известны смертельные случаи от ее укусов.

– Ну поцелуйте же своего спасителя, девчонки, – хмыкнул Санек. – Он же этого ждет.

Девушки смущенно молчали. Антон опустил голову и зашагал в палатку.

– Что ж ты своей пикой не воспользовался? – с легкой насмешкой спросил Костя.
Санек не ответил. Все разошлись по своим местам.
Спал я плохо. Хоть и устал. Думал о Кате. Кажется, я ее полюбил.

4

За завтраком Санек попробовал суп и скривился.

– Холодный. Мартышка у нас дежурный? Ты суп вообще разогревал?

Суп, действительно, был теплым. Антон опустил глаза.

– Разогревал. – Тихим голосом, но явно волнуясь, попросил: – И это... Не хочешь меня Антоном называть, вообще никак не называй, короче.

– Да за глаза все тебя так кличут. Прижилось!

Это было не совсем так: мы с Катей Антона так не называли.

Антон быстро окинул всех затравленным каким-то взглядом. Минуту ели молча.

Санек вдруг с брезгливым видом отставил миску с недоеденным супом.

– Хоть чаю напьюсь... И чай холодный! Сахар даже не растворяется. Я только горячий чай признаю. Не повезло нам сегодня с дежурным... Ты что, Мартышка, дров пожалел?

Глазки у Антона зло блеснули. Он перевел их на медленно плывшее на север кучевое облако, розовое от рассвета, и что-то истово зашептал.

– Ну зачем ты так, Санек? – с укором сказала Катя. – Ну не хочет человек, чтобы его так называли.

– В народе говорят: хоть горшком назови, только в печку не ставь, – отмахнулся тот. И хохотнул: – Это что ты там шепчешь?

Антон не отвечал.

– А правда, Антон? – Катя с любопытством смотрела на него. – Молитву читаешь?

Антон перестал шептать, повернулся к Кате.

– Типа того. Молитва, чтобы себя сдерживать. – И снова зашептал.

Санек совсем развеселился.

– Ух ты! А если не сдержишься, что будет?

Антон встал и, продолжая шептать, ушел в палатку.

Когда стали собираться на работу, Санек предложил:

– Что мы будем друг у друга в ногах путаться? Пусть каждый себе участок выберет и косит самостоятельно. А, начальник? – Он посмотрел на Костю.

– Резонно, – сказал тот. – Я сам такую мыслишку хотел подбросить. По одному-то по горам ходить рискованно, это да, но на пары нам разбиться можно. Как раз три пары. Но кучки все равно будем отдельно класть... Вас вот только придется разлучить. – Он посмотрел на девушек. – Одних мы вас в горы не пустим, всякое может случиться. Да и нельзя на такой работе без мужика. Так что...

– Я с Олегом, – сказала вдруг, заметно смущаясь, Алиса.

Она быстро подошла ко мне и стала рядом. Алиса была почти такой же высокой как я.

– И я выбираю Олега, – заявила Катя.

Ликование охватило меня. Костя явно был озадачен.

– Занято, – полушутя, полусерьезно сказала Алиса и взяла меня за руку.

– Да, так не пойдет. Придется тебе, Катюша, выбирать из незанятых, – с натянутым смешком произнес наш бригадир.

Катя посмотрела на меня. Как бы спрашивала, почему я молчу, почему за нее не борюсь. Слегка пожалала плечами. Оглядела претендентов. Это походило на какую-то забавную детскую игру. Все пытались улыбаться, даже Антон. А на самом деле разыгрывалась драма.

– Я выбираю Костю.

И я почувствовал, что в этот миг я потерял Катю. Ликование сменилось острым ощущением несчастья, настоящего, большого несчастья.

Часто вспоминаю ту минуту. Вспоминаю ее взгляд. Хочу понять, почему не сказал, что я, в свою очередь, выбираю ее. И прихожу к выводу, что причина была одна. Я боялся, что это будет некрасиво по отношению к Алисе, боялся поставить ее в смешное положение! Это моя беда. Сколько нужных дел я не сделал из-за боязни поступить некрасиво.

Теперь в отличное настроение пришел Костя.

– Я буду косить один, – заявил Санек. – В самом дальнем отщелке.

– Я же говорю, – сразу стал серьезным бригадир, – одному по горам ходить нельзя.

– Ничего со мной не случится.

– Горы непредсказуемы... Что ж делать: какой достался напарник – такой достался.

– Да не в этом дело. Даже если бы меня Катюха выбрала, я бы один работал. Я – волк-одиночка.

– А почему ты самый дальний участок выбрал? – Костя внимательно посмотрел на Саньку. – Ведь замучаешься оттуда мешки к дороге подтаскивать.

– Чикинда там некошенная. Подтащу. Надо будет – ишака у чабанов арендую.

– Все же я против. Я – бригадир, я за вас отвечаю.

– Да бригадирство – это же фикция! – нетерпеливо отмахнулся Санек. – Здесь каждый сам себе хозяин. За это я эту работу и ценю. Короче, до вечера.

Он надел рюкзак и двинулся вверх по ущелью.

Костя хмуро глядел ему вслед. Покачал головой.

– Это он зря...

– Темнит он что-то, типа того, – вдруг сказал Антон. – Эта его как бы пика... Как ей можно в фалангу попасть? Или типа в змею...

Костя усмехнулся. Немного подумал.

– Тогда, может, вы Антона в свое, так сказать, звено возьмете?

Антон с надеждой посмотрел на нас с Алисой.

Алиса запротестовала.

– В таком случае, Антон, твой участок – второй отщелок.

К себе Костя его взять не захотел. Несмотря на чувство ответственности за нас! Антон сумрачно кивнул и пошел на свой участок. Внезапно остановился, обернулся. Несколько секунд глядел мне в глаза. Это было на него совсем не похоже. Потом продолжил путь. Снова стал, снова повернулся.

– Олег, можно тебя типа на пару слов?.. Типа наедине...

Я подошел. Заметно было, что Антон очень волнуется.

– Короче... я это... ну того... могу жениться только на чистой девушке, – зашептал он. – Типа непорочной... Алиса мне как бы нравится... Короче, я хочу жениться на ней. У меня к тебе просьба. Ты ее это... типа не трогай... У тебя ж серьезных намерений к ней как бы нет, я вижу... Обещаешь, короче?

Тон его был просительный.

– Обещаю.

Он порывисто и крепко пожал мне руку.

Когда я вернулся, Катя и Алиса нетерпеливо и одновременно поинтересовались, что сказал Антон. Я развел руками.

– Конфиденциальный разговор.

Алиса капризно надула губы.

– Конспираторы!

Костя показал на эфедру, которую мы вчера жали.

– Олег, вот этот участок – ваш. Это лучший участок. Алиса у нас девушка нежная. Как раз для нее. А мы с Катюшей первый отщелок возьмем.

Они тоже ушли.

Я был зол. На себя, на Алису, на Костю.

Мы полезли на гору.

– Высоко мы сегодня забрались, – сказала Алиса, когда мы добрались до эфедры.

– Да. И склон здесь круче. Жать будет немного сложнее.

– А Костя говорит: резать.

– Да. А Санек – косить. Но косят косой, режут ножом, а серпом – жнут.

Начали работать. Алиса переходила от куста к кусту медленно, осторожно, с опаской поглядывая вниз. По-прежнему у нее не получалось туго набивать мешок. Пришлось эту работу делать за нее. Во мне росло раздражение. Она быстро устала. Однако настроение у Алисы было приподнятым.

После двух коротких перекуров сделали большой. Перекусили.

– Не думала, что так тяжело будет, – вздохнула девушка. – Это Катя уговорила меня поехать. Она же без новых впечатлений не может. Но я не жалею. – Она взглянула на меня. Когда она на меня смотрела, ее холодные глаза теплели. – Совсем не жалею!

Я мрачно молчал.

– О чем же все-таки вы с Антоном говорили, Олег?.. Хоть намекни... – Она улыбнулась. – Или это такая страшная тайна, что и приоткрыть ее нельзя?

– Я думаю, Антон тебе сам об этом скажет.

– Вот даже как? – удивилась она. – Совсем заинтриговал!.. А моего папу тоже Олегом зовут. Мама его всегда Олежекком называет. А можно, я тебя Олежекком буду звать?

– Пожалуйста.

– Хорошо звучит: Олежек! А ты родителями живешь, Олежек?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.